

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

Оформление серии *Сергея Власова*

Тарковский, Михаил Александрович.

Т19 Тойота-Креста : роман / Михаил Тарковский. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-04-095569-5

Этот роман — знаковое для автора произведение. Ранее с перерывом в несколько лет были отдельно опубликованы две его части. В этом издании впервые публикуются все три части романа.

«Тойота-Креста» — геополитический роман о любви: мужчины и женщины, провинции и столицы, востока и запада. Это книга о двуглавости русской души, о суровой красоте Сибири и Дальнего Востока и о дороге.

Тарковский представляет автобизнес и перегон как категории не экономические, но социокультурные; описывает философию правого руля, романтический и жесткий образ жизни, сложившийся на пустынных сибирско-дальневосточных просторах к концу XX века.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тарковский М., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095569-5

Большая страна Михаила Тарковского

Говоря о Михаиле Тарковском, всегда подчёркивают, что он, во-первых, племянник одного Тарковского (режиссёра) и внук другого Тарковского (поэта), во-вторых — сбежал из Москвы, едва окончив столичный вуз, и вот уже лет тридцать живёт в далёком селе Бахта Туруханского района Красноярского края, где стал профессиональным охотником.

Мне представляется, что самому Михаилу эти обязательства упоминания порядком надоели. Но для понимания его жизни и природы его творчества это действительно важно.

Тарковский осознанно сломал ту свою судьбу, которая была predeterminedена от рождения, и выстроил другую, которая показалась ему достойнее и правильнее. «Никакого дешёвого геройства не было. Если у тебя есть страсть, мечта и ты её осуществляешь, то просто идёшь по пути наименьшего сопротивления. Я делал, что хотел, вот и всё» — так объяснял свой биографический зигзаг Тарковский. Сначала он перестал быть москвичом, став сибиряком; потом перестал быть «внуком» и «племянником», став самостоятельной фигурой — писателем Михаилом Тарковским, в котором нет ничего вторичного по отношению к знаменитым деду и дяде. Хотя, оговаривается Михаил, «в смысле учёбы или наследства — это для меня огромная школа. У них обоих была мощная сила... Подвижническая какая-то, непримиримая».

Книг у Тарковского выходило сравнительно немного. «За пять лет до счастья» и «Заморожённое время», изданные в Москве в начале нулевых, давно разошлись, а «толстые» журналы, в которых фамилия Тарковского появляется регулярно, страдают от дефицита читателей. Благо, в 2009-м издан трёхтомник в Новосибирске — и вот сейчас выходит в московском издательстве «Эксмо» книга, которую вы держите в руках. Добавлю также, что в 2010 году Тарковский получил совсем не лишней (не только для него самого, но и для имеющих и будущих читателей) знак признания — одну из ведущих российских литературных премий «Ясная Поляна», а в 2015-м — премию первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству».

Но всё же по большому счёту Тарковский — из тех писателей, чья нынешняя известность, к сожалению, уступает масштабу дара. Отчасти причина этого — в месте и образе жизни Тарковского, намеренно удалившегося подальше от столичных тусовок. Однако, с другой стороны, те же самые место и образ жизни — тайга, Енисей, охота — как раз и сформировали писателя Тарковского. И продолжают его питать. «Живя в Москве, вообще ничего нельзя понять о стране», — говорит по этому поводу сам Михаил. И ещё: «Без Енисея меня бы не было».

Он — из тех немногих наших писателей, у которых руки на месте: может управлять хоть снегоходом, хоть моторкой, срубить зимовьё, добыть соболя, поймать рыбу и много чего ещё. Это как-то очень правильно. Оказавшись в моём владивостокском жилище, Тарковский тут же вызвался отремонтировать неплотно закрывавшуюся дверь, а позже в магазине инструментов объяснил продавцам, как правильно насаживать топор на топорище. И чуть не взялся убирать снег с крыши музея автотомостарины, которая протекала прямо на раритетные «форды» и «газы», на крышах которых по такому случаю стояли ведёрки.

Писатель Алексей Иванов, выступая за децентрализацию российской жизни, сказал в одном из интервью, что для него оставаться в Перми — своего рода гражданская позиция. Для Тарковского, мне кажется, жизнь в енисейской тайге — тоже не только личная, но и гражданская позиция. Мне, как убеждённому жителю Владивостока, хочется, чтобы это превратилось в, если угодно, моду.

«Распилыш», публикуемый здесь впервые, — третья часть книги «Тойота-Креста», первые две части которой выходили в журнале «Октябрь» в 2007-м и 2009-м. С «Тойоты-Кресты» да ещё с «Гостиницы «Океан» («Новый мир», 2001 год) началось моё знакомство с Тарковским — сначала заочное, литературное. Читая эти его вещи, я испытывал два главных чувства: восхищение и ревность. И восхищение, и ревность относились к одному. К тому, как сибиряк московского происхождения, к тому же не горожанин, сумел первым (если вообще не единственным) столь мощно раскрыть «нашу дальневосточную тему». То есть — философию правого руля, автобизнес и перегон как категорию не экономическую, а социокультурную; тот образ жизни, который сложился на пустынных сибирско-дальневосточных просторах к концу XX века. Никто из приморцев, сахалинцев или хабаровчан эту тему почему-то не поднял — по крайней мере, с такой силой и с такой глубиной. Поэтому моё восхищение сумело одолеть ревность. Впрочем, и ревность была «белой».

«За что я люблю праворукие машины? Праворукими машинами я пытаюсь призвать западный московский мир одуматься, вспомнить, что есть параллельная русская страна, по отношению к которой Москва — зазеркалье, — рассказывал Тарковский в интервью Захару Прилепину. — Перед моими глазами всегда стоит картина: улица по склону сопки, кривой домишка, «корона» 91-го года цвета китовой кости, а сзади синяя даль, горы в насечке тайги, бескрайняя вода. И какой-нибудь Гена или Валера,

обветренный, с трудовыми побитыми руками садится в эту самую «корону» и едет в садик. За дочей...»

Читая «Кресту», я никак не мог предположить, что спустя какое-то короткое время её автор приедет «перегонным» поездом № 8 во Владивосток и остановится у меня дома, став теперь не только одним из любимых писателей, но и другом. Что мы вместе с ним сходим к той самой гостинице «Океан», в реальности оказавшейся гостиницей «Приморье» на Посьетской, посетим Зелёный Угол и ряд других неслучайных мест. Что некоторые из событий, изображённых в «Распилыше», будут разворачиваться у меня на глазах — как, например, сцены в гостинице «Гранит» или на автостоянке в районе Змеинки. Что ранним морозным утром мы попросимся на «Заре», и Тарковский на только что купленном дизельном «сурфе»-конструкторе в 185-м кузове в одиночку отправится по обледенелой дороге в сторону Красноярска. И будет отзваниваться по мере продвижения — то из Хора, то из-под Биробиджана, то откуда-то из-под Читы... А «Распилыш» я потом прочитаю одним из первых — в электронной рукописи, которую Тарковский пришлёт из Бахты.

«Распилыш» — книга большая не в смысле постраченного объёма и даже не с точки зрения проблематики (от повышения пошлин и возможного запрета правого руля до повторения на новом историческом витке распутинской темы затопления сибирских деревень). В «Распилыше» присутствует трудноуловимое ощущение огромной страны — от Балтики до Япономорья, да не с самолёта увиденной через слой облачной ваты, а прошупанной, истоптанной, проеханной на японской праворульной машине. «Трасса, гудящая серая жила, на карте пересекающая Сибирь жирной чертой, а в жизни — узкое, в два кузова, полотнышко, тонкой асфальтовой плиткой лежащее на гигантской бочине Земли» — таким увидел Тарковский перегон. И ещё: «Невообразимая красота, суровость, ощущение движения, мысли, бурная внутренняя жизнь, особенно ночью, когда

почти нет фар и теряется ощущение реальности». Однажды Михаил рассказывал: «Жизнь в Сибири и на Дальнем Востоке по сравнению со столичной — другая. Более голодная, нищая, убогая... Все эти гостинки, промзоны, теплотрассы, просто идёт какое-то выживание — и вдруг видишь «тойоту-краун ройяль салон»! Ты-то понимаешь, о чём речь? Когда ты любишь это пространство как не знаю что, для тебя эти машины становятся символом».

Одновременно с ощущением огромной страны у Тарковского присутствует и ощущение зыбкости этой огромности.

«Пророчества про распад Отечества мне необыкновенно больно слышать, и что-то во мне кричит против того, чтобы и я это пророчил. Наверное, я страус. Я не желаю порой видеть и слышать того, что происходит, того, чего все ждут, — признаётся Михаил. — Но я понимаю, что происходит. Что нас — всё меньше с этой стороны Урала, да и с той тоже. И пишу об этом, и говорю. И о духовном, и о физическом распаде. Но что-то в душе орёт о том, что этого не может и не должно быть! Помнишь, у Гумилёва: «Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть». Вот оно. Россия как носительница великой мысли не может умереть. Это эмоция. Но не могу по-другому! Зачем жить-то тогда?»

Разрозненные, редкие места невеликого скопления русских людей оказываются у Тарковского прочно связанными друг с другом какой-то внутренней связью наподобие электрической («Здесь единое какое-то поле. И по языку — тоже. На пространстве от Новосибирска до Южно-Сахалинска живёт какая-то общность людей, друг друга понимающих, говорящих на одном языке»). И в то же время этот раскиданный человеческий архипелаг кажется гигантским, континентального размера трагическим «распильшем». Помню, как во Владивостоке Тарковский сразу же ухватился за это слово — «распил», «распильш», ментально услышав в нём многомерность. Распиленность

чувствуется и в главном герое книги Жене Барковце («Так и не сшил я ни куски своей жизни, ни лоскуты земли родной...»), и в его долгожданной встрече с братьями. «Распилы» и «откаты» ущербной новорусской политэкономии здесь тоже очень даже при чём, и «распыл» тоже. Тарковский обладает чутьём на неожиданные меткие образы, и сама «креста» не случайно рифмуется у него с русским крестом (и в смысле православия, и в смысле судьбы), даже если её японские создатели об этом не знают.

«Русские больше знают о японских машинах, чем мы!» — удивлялся после беседы с Тарковским владивостокский корреспондент «Киодо Цусин» Осаму Хирабаяси. И просил уточнить, что такое «виноград», «хорёк» и «сайра». «У вас дома Toyota Cresta?» — спрашивал он. «Нет, — отвечал Михаил, — у меня в Бахте «ГАЗ-66», но мы там на снегоходах в основном ездим. А «сурф» нужен для Красноярска и окрестностей».

На улицах Владивостока Миша внимательно рассматривал, кажется, все машины без исключения. Особо останавливаясь на роскошных «маджестах», редких «мицуоках», лифтованных «крузаках»-«восьмидесятках», крепко сбитых «деликах»...

— Посмотри: «Скай» в новом кузове. Без круглых стопарей — он, конечно, другой, но тоже красивый и какой-то... Убедительный! — говорил он. — А вон, смотри, «марк»-чернотой — такси!

Не раз мы встречали заглавную героиню книги Тарковского — белую «кресту» в 90-м кузове. И изящного «блита», на котором Женя Барковец передвигается в третьей части — «Распилыше».

Трилогия «Тойота-Креста» для Тарковского — особая. Во-первых, это на сегодняшний день самая большая книга Михаила. Во-вторых, прежде он писал рассказы, повести и очерки в основном о Енисее, о Бахте, об охотниках («Стройка бани», «Кондромо», «Отдай моё», «Бабушкин спирт», «Ложка супа», «Енисей, отпусти!»...). «Креста» — про-

за уже, можно сказать, «городская». Действие, впрочем, разворачивается чуть не на всём русском континенте — от Курил до Москвы. Новый материал потребовал особой манеры письма. «Распилыш» — даже не проза, а почти поэзия. Кое-где эта поэтичная проза и прямо переходит в стихи, как будто самолёт набирает такую скорость, при которой уже не может бежать по земле — только лететь.

У Тарковского редкое чувство языка, к тому же его проза расцвечена сибирскими словечками, которые так и хочется повертеть, попробовать на слух и на вкус (а «Распилыш» вобрал в себя и многие чисто владивостокские выражения), и в то же время это — не лёгкое «диагональное» чтение. В Тарковского нужно погружаться по-честному, поверхностным ознакомлением не отделаешься. «Надо освободиться от языковой зависимости и писать, как Чехов, как Пушкин или как Шукшин. Писать так просто, как будто языка вообще нет, — размышлял Тарковский. — А с другой стороны, такая сила в художественной прозе, что в коротком абзаце можно дать целый огромный мир...»

Язык — далеко не единственная ценность «Распилыша». Эта повесть — и лиричная, и пронзительная, и в то же время — возвышающая, очищающая. Эта книга — о нас, она — наша. Поэтому, если кто-то не из наших её не поймёт, это ничего: понимай её все с полоборота — она перестала бы быть нашей. Но её, уверен, сможет понять и прочувствовать любой человек, у которого будет к этому желание. Потому что эта книга, как и положено всякой хорошей книге, — не только наша, но и всеобщая. Может быть, главное, о чём эта книга, — о Вере, как бы странно это ни звучало на первый взгляд. О тех сокровенных вещах, о которых стесняешься говорить, а иногда и думать. По сравнению с прозой Тарковского многие другие — пусть хорошие — авторы могут показаться слишком зацикленными на себе и на текущем моменте. «Тарковский — это

БОЛЬШАЯ СТРАНА МИХАИЛА ТАРКОВСКОГО

настоящее, непридуманное, родное», — сформулировал Захар Прилепин.

Можно бы снять по «Распилышу» хорошее кино. Визуально эта проза очень отчётлива. Только кому за него взяться — непонятно: испортят ведь всё.

Когда я читал «Распилыша» в рукописи, мне хотелось запомнить какие-то отдельные фразы и скопировать их, сохранить, переслать друзьям. Сейчас я это сделаю.

«Что-то дрогнуло в Жене, словно судорога перешла с его собственного на заенисейские хребты, прокатясь до самого города Владивостока, до окончания транссибирских рельс, до Морвокзала, где ржавым бинтом белеет плавгоспиталь «Иртыш» и прозрачно-синяя тихоокеанская вода взлизывает оледенелый берег с ржавыми железками».

«И вот оказалось: единственное спасительное — признать свою полную духовную немощь, пустоту и нищету. И даже не просто пустоту, а вывернутость наизнанку, выдутость, вымороженность и открытость всему сущему. И лишённость способности иметь что-то своё, личное и внутреннее, кроме этого спасительного покаянного опустения».

«И всё, что не понимала душа, — например, какое отношение к окружающему суровому и сизому простору имеют южные места, описываемые в Евангелии, — всё перебарывалось восхищением от того, как русская душа приняла и допроявила учение Христа».

«Он и не подозревал, насколько тонка грань между отчаянием и благодатью».

Последнюю фразу можно понимать как эпитафию или ключ ко всему творчеству Тарковского.

Василий АВЧЕНКО

Часть 1

КЕДР

— Называть машину — восхитительная работа! Сначала «Тойота» давала имена простыми английскими буквами. Потом руководитель компании использовал простые, но осмысленные клички вроде «Мастер» или «Краун». После того, как «Краун» стал популярным, ему понравилось называть все машины с буквы «Си» (читается как «К» или «Ц». — *Прим. ред.*): «Корона», «Креста», «Королла», «Целика», «Цельсиор». Где-то в 60-х менеджеры по планированию продаж, продвиженцы, инженеры и дизайнеры вошли в «Комитет имянаречения». Сейчас линия моделей на «Си» стала бесчисленной, поэтому используются слова, начинающиеся с других букв.

КУНИХИРО УЧИДА,
*бывший директор первого отделения
дизайна компании «Тойота».*
*Из интервью корреспонденту
«КП Владивосток». 7 дек. 2004 г.*

Василий Михайлович Барковец возвращался домой на Енисей из отпуска. Скорый Москва — Тында № 76, где он экономно ехал в последнем и единственном плацкартном вагоне, вёз его из Новосибирска в Красноярск. Поезд то летел легко и молодо, то вдруг тяжелел, и тогда застарело и близко отдавался стук колёс, и Василию Михалычу казалось, что он едет рядом с огромным и усталым сердцем.

В Новосибирске Барковец гостил у старого товарища, Романа Сергеича, которого все звали Ромычем. Толстый и одышливый, он никак не вязался с серебрястым стрельчатым «марком», на котором они рыскали по городу в поиске запчастей и инструментов для Михалыча. Вздываясь и оседая всем телом, Ромыч сопел, экономя слова и копя их под выдохи, а согласные выстанывал, выкряхтывал, и его «ка» и «ха» задирались шумной коркой.

Обходя пробки, Ромыч пробирался по каким-то своим льдистым разбитым проулкам, с тылу заходя к складам и магазинам. И Михалыч шёл на пытку в очередной ангар, где терялись в непосильном тумане ряды матово-зелёных рубанков и дрелей, морковно-рыжих бензопил и масла всех расцветок — от брусничного до чернильно-зелёного, как налимия желчь.

«Да бросай, Ромыч, к бабаю, в Красноярске возьми», — не выдерживал Михалыч, а Ромыч, продолжая опадать и вздыматься, цедил сипло, с придыханием: «Да хрен там... в Красноярске... Так же не делается...» — и, исколесив пол сибирской столицы, доезжал до очередной бетонной громады, какого-то бывшего цеха, откуда победно доставлял труп Михалыча

домой, где под наперчённые пельмени вливал в него пол-литра ледяной алтайской.

Но силы кончались, и даже Ромыч угнетал своей заботой, и когда не сипел, а просто, пята «марковник», озирался, размашисто меся руль пятёрней, то, казалось, жал, втирал в Михалыча свой пример, свою правду. И корил своим упорством, заботой, тем, что старается не для Михалыча, а сквозь него, дальше, ради уже совсем дальнобойной жизненной хватки, которую нельзя ослаблять ни на час. А Михалыч и сам знал её ближе близкого, но сейчас на неё не было сил, и он ревновал к ней Ромыча.

На перроне Ромыч стоял у вагона, как часовой, со своим вечным всепогодным, всесезонным видом, с каким провожал и встречал Михалыча вот уже лет пятнадцать подряд.

— Жека встретит?

— Встретит.

— Ну, добро, Нинке привет. Всё, — с шелестом осыпались и хрип, и придыхание, только слова стыли над дорогой крупно и выпукло, как название города.

Когда Михалыч загрузился, вагон лихорадило. Там только что очухалась компания работяг, обнаружив, что, пока они спали, в поезд сели их товарищи по бригаде. Всё потонуло в крике, топоте и объятиях. Мужики не верили глазам и, заварив немислимую бучу по взаимопереселению, объединились в одно токовище. Ехали они в Таксимó — станцию Восточно-Сибирской железной дороги. Грунтовкой она соединялась с Бодайбо, и ребята пахали не то на её отсыпке, не то в одной из бодайбинских артелей.

Ехал в Таксимо и шустрый словоохотливый дедок. Оглядывая попутчиков, он отрывисто двигал головой,